

УДК 001 (092)

ББК 72.3

DOI 10.31554/2222-9175-2018-32-99-114

И. Р. Гарри, Л. Д. Бадмаева

**ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЙ
ПУБЛИКАЦИИ: ПЕРЕПИСКА АКАДЕМИКА
БЯМБЫН РИНЧЕНА И Д. И. Н. Р. Е. ПУБАЕВА**

В статье публикуется переписка (13 писем) академика Ринчена и д. и. н. Р. Е. Пубаева за 1967–1971 гг. Основной тематикой писем является перевод с французского языка на монгольскую вертикальную письменность «Записок о буддийских странах» китайского монаха Фа Сяня (IV–V вв. н. э.), осуществленный первым бурятским ученым Доржи Банзаровым (1822–1855). Публикация писем предваряется введением, представляющим историю вопроса и важность переписки для монголоведения.

Ключевые слова: академик Ринчен, д. и. н. Р. Е. Пубаев, Доржи Банзаров, Фа Сянь, монголоведение.

I. R. Garri, L. D. Badmaeva

**A HISTORY OF ONE UNREALIZED PUBLICATION:
CORRESPONDENCE BETWEEN ACADEMICIAN
BYAMBYN RINCHEN AND DR. REGBI PUBAEV**

The article publishes thirteen letters between academician Byambyn Rinchen and Dr. Regbi Pubaev during 1967–1971. The main content of the correspondence is the translation of the “Records of the Buddhist Kingdoms” by the Chinese Buddhist monk Fa Xian from French into Mongolian vertical script, made by the first Buryat scholar Dorzhi Banzarov. An introduction to the correspondence shows the issue’s history and its importance for the Mongolian Studies.

Keywords: academician Rinchen, Dr. Pubaev, Dorzhi Banzarov, Fa Xian, Mongolian Studies.

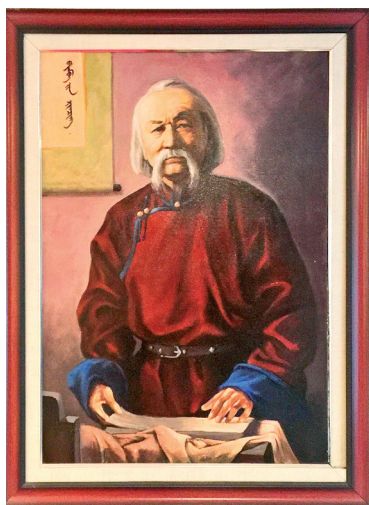
В личном архиве Р. Е. Пубаева сохраниена большая переписка ученого с друзьями, родственниками и коллегами по работе. У Регби Ешиевича был очень оригинальный, похожий на какую-то восточную вязь почерк, который кроме Хандажаб Батуевны мало кто мог разобрать. Поэтому чаще всего он писал письма на машинке и сохранял у себя их копии. Среди многочисленных

писем особый интерес представляет переписка с академиком Бямбын Ринченем (1905–1977), датируемая 1967–1971 гг. Основная тема сохранившихся писем чрезвычайно любопытна – это попытка издать в Бурятии текст перевода на классический монгольский язык «Записок о буддийских странах» китайского монаха Фа Сяня (IV–V вв. н. э.), осуществленного первым бурятским ученым Доржи Банза-

---

ГАРРИ Ирина Регбиевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: irina.garri@imbt.ru.

БАДМАЕВА Любовь Дашинимаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ldbadm@gmail.com.

Портрет академика Ринчена,
худ. Тумурын Цоггэрэл [I]

ровым (1822–1855). Причем перевод был сделан совсем молодым тогда Банзаровым (21 год) с французского языка. Эта переписка между двумя учеными представляется вниманию читателей «Вестника Бурятского научного центра СО РАН». Орфография и пунктуация писем оставлена в авторской редакции. Курсив монгольских слов наш, в квадратных скобках дан перевод монгольских слов.

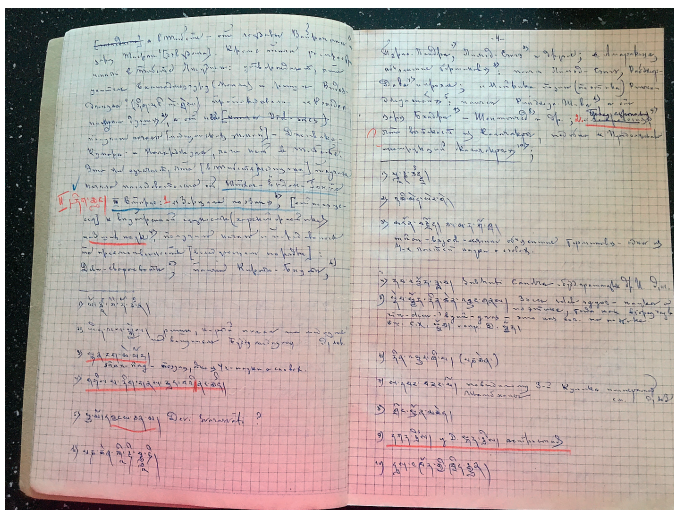
Необходимо отметить, что данная публикация могла не состояться без дружной кооперации коллег нашего института. В первую очередь мы хотели бы выразить большую признательность директору нашего института Борису Вандановичу Базарову за то, что он подтолкнул нас заняться публикацией писем, указав на их научную значимость. Работа не состоялась бы без доброжелательного отклика коллег-монголистов Екатерины Сундуевой и Гунсэмы Чимитдоржиевой, которые быстро и профессионально перевели с монгольского языка 3 письма академика, за что приносим им свою искреннюю благодарность. Большое спасибо Нелли Бадмаевой за перевод письма с французского языка.

Всего в архиве сохранилось 10 писем академика Ринчена и 3 письма Регби Ешиевича, которые мы помещаем в хронологическом порядке.

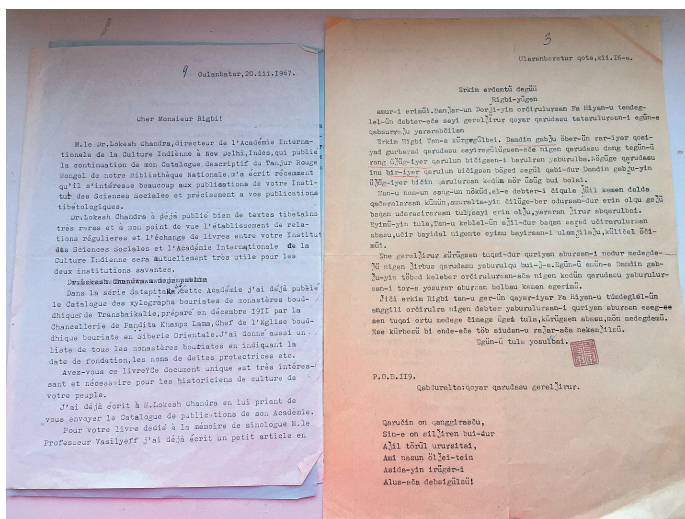
Переписка представляет большой интерес с историко-филологической точки зрения, а также важна для истории монголоведной науки. Она открывает ранее неизвестные страницы биографий Доржи Банзарова и Ринчена, раскрывает масштаб их личностей, показывает атмосферу научной жизни в Бурятии в 1960–1970 гг. Чтобы контекст переписки был более понятен, представляем кратко историю вопроса.

Что касается Фа Сяня, то это знаменитый китайский буддист и путешественник. В 399 г. он отправился в Индию за священными текстами и совершил путешествие по Великому шелковому пути через современные Синьцзянь, Пакистан, Индию, Непал, Бангладеш и Шри-Ланку. Его путешествие продлилось 14 лет, после чего, вернувшись на родину, он составил подробное описание посещенных стран. На заре открытия Китая сочинение китайского монаха привлекло внимание многих западных востоковедов, и история его перевода превратилась едва ли не в детективную. Первый перевод сделал основоположник французского китаеведения Жан-Пьер Абель-Ремюза (1788–1832), но, не успев закончить комментарии и издать перевод, умер. Его перевод попал в руки Клапрота и Ландрессе, которые издали текст Ремюза, дополнив его своими комментариями [II]. Затем текст переводился несколько раз на английский язык, причем каждый переводчик обвинял своих предшественников в ошибках и недобросовестности. Так, Гилс даже заподозрил Клапрота в воровстве перевода Ремюза [Record 1877: I].

Интересно, что данным сочинением во французском его переводе заинтересовался и молодой студент Казанского университета Доржи Банзаров. В 1843 г., после окончания Казанской гимназии, он становится студентом первого курса Казанского университета под руководством проф. О. М. Ковалевского как текстолог и источниковед со специализацией по монгольским и тюркским текстам. Вскоре он приступает к переводу на монгольский

Рабочая тетрадь Р. Е. Пубаева

Письма Ринчена на французском и монгольском языках

язык с французского сочинения Фа Сяня, а также пишет другие труды на монгольском языке [III]. Считалось, что эти работы утеряны вместе с бумагами проф. Ковалевского во время польского восстания 1860-х гг. Однако перевод Д. Банзарова сочинения Фа Сяня всплыл через 100 с лишним лет благодаря академику Ринчену, о чем и свидетельствует переписка Ринчена и Пубаева.

Из писем следует, что список перевода, оказавшийся в распоряжении Ринчена, восходит к копии, сделанной

наставником Доржи Банзарова – ученым ламой Галсаном Гомбоевым и впоследствии переписанной множество раз [IV]. Академик Ринчен критически проанализировал список, исправил погрешности, сделанные, по его мнению, переписчиками, «которые никак нельзя приписать ученому переводчику», отредактировал географические названия согласно имевшемуся у него английскому переводу Биля [Travels of Fa-Hian... 1957] и заново переписал произведение с тем, чтобы оно было опубликовано в

сборнике Бурятского комплексного научно-исследовательского института в честь академика В. П. Васильева. Переписка продолжалась 3 года, в течение которых Ринчен планомерно доводил свою работу до завершения и высылал переписанные главы перевода Регби Ешиевичу (где они находятся и сохранились ли – неизвестно). Из последнего письма видно, что он подготовил публикацию, написал на основе писем академика предисловие к публикации и сдал в редакционно-издательский отдел. Но работа эта так и не увидела свет ни в Васильевском сборнике, ни в каком-либо другом последующем издании института. В 1970 г. академик Ринчен опубликовал монгольский текст перевода Доржи Банзарова в 5 томе «Памятников монгольской письменности» (*Corpus scriptorum mongolorum*) под названием «*Travels of Fa Hsian translated by Dorji Bansaroff*». Странно, что в Васильевском сборнике не была опубликована даже статья о печати Пагба-ламы, присланная в первом письме академика. Где находятся оттиски печати – также неизвестно.

Остается только догадываться, почему перевод Д. Банзарова так и не был опубликован в Бурятии. Переписка по поводу публикации неожиданно обрывается. Последние 2 письма академика Ринчена датируются 1971 и 1972 гг. и в них уже нет упоминаний этого произведения. Думается, что публикацию не пропустила бурятская сторона. Регби Ешиевич в письме от 8 февраля 1968 г. (письмо № 9) пишет, что в редколлегии сборника посчитали, что исправления Ринченом банзаровского текста «не оправданы и противоречат принципам текстологии». Кроме того, у института появился свой список текста. Возможно, его также хотели издать, что послужило причиной отказа от публикации работы Ринчена. Вероятно, сыграли свою роль и идеологические мотивы. Как пишет Р. Е. Пубаев в этом же письме, в том году выходила его совместная с Бидией Дандаровичем Дандароном работа «Источники мудрецов»

(1968). Позже выяснится, что труд этот встретит резкую критику коллег и даже встанет вопрос о полном отзыве тиража [V]. В вину авторам будет поставлено то, что они не дали во введении критики идей Праджняпарамиты и Мадхьямики. Возможно, что и публикация перевода Доржи Банзарова в сотрудничестве с монгольским академиком также, в конечном счете, встретила противодействие со стороны руководства института. Таковы возможные причины того, что эта работа, продолжавшаяся целых 3 года, так и не была опубликована в Бурятии. Отраднo, что она все же увидела свет в Монголии, что является одной из многочисленных научных заслуг монгольского ученого.

Переписка между Ринченом и Пубаевым, кроме истории этой публикации, важна также и тем, что является новым свидетельством выдающегося таланта первого бурятского ученого Доржи Банзарова. Ему был всего 21 год, когда он осуществил этот перевод. Но уже тогда он состоял как блестящий знаток и французского, и классического монгольского языков. Академик Ринчен пишет: «Перевод прекрасно передает стиль языка буддийской монгольской литературы и выполненный в ином стиле он казался бы литературно образованному монголу странным. Банзаров в этом отношении оказался на уровне мастеров перевода на монгольский, принимая во внимание, что тогда он был еще очень молод». Он также подчеркивает, что Банзаров, сверх того, прекрасно владел и «классическим монгольским письменным языком буддийской литературы – номын келен», что свидетельствовало о «блестящей постановке обучения восточным и европейским языкам в казанском университете» (письмо № 5).

Отдавая дань высокой образованности Банзарова, Ринчен между делом подвергает острой критике современные бурятские переводы. Его едкие замечания насчет языка прессы и бурятских грамматик, собственное совершенное владение русским, монгольским, французским языками раскрывают в переписке

ске незаурядную личность выдающегося ученого. Только человек, в совершенстве знавший русский язык и на своем опыте испытавший репрессивную машину советского режима [VI], мог написать следующие строки: «...это поганое сталинское наваждение, которое теперь расцвело в Пекине махровым маоизмом, не дало возможности опубликовать для науки замечательный труд Банзарова, показавшего в своем переводе и прекрасное знание французского и не менее прекрасное знание монгольского литературного языка, рядом с которым, Вы уж меня простите, многие современные бурятские переводы с русского кажутся невнятным бормотанием несчастного, которому какой-нибудь ежовский садист отрезал пол-языка» [VII].

Переписка между Ринченом и Пубаевым раскрывает также невероятную работоспособность монгольского ученого. Воочию представляется, как в кабинете академика стоят 3 пишущие машинки, в которые вставлены листы с работами на русском, монгольском и французском языках, и как Ринчен, устав от одной работы, переходит к другой машинке и продолжает труд, начатый на другом языке. Это объясняет, почему в переписке пись-

ма на трех языках. В третьем письме от 15 апреля 1967 г. на монгольском языке он на полстранице перечисляет работы, которые делает одновременно. Это впечатляет. Он пишет: «... каждый день распределяю время и всю работу по порядку – что надо просмотреть – смотрю, что надо написать – пишу, наряду с этим совмещаю работу с переводами с чешского, русского и немецкого языков, и так живу потихоньку».

Кроме того, переписка дает представление о научной деятельности Ригби Ешиевича и Бурятского института комплексных исследований. Хотя в архиве сохранилось лишь 3 письма Р. Е. Пубаева, по ним видно, что тогда еще сравнительно молодой ученый (39 лет) живет активной научной жизнью, находится в курсе событий международной востоковедной науки, хорошо знает языки, делает все возможное для осуществления задуманной публикации. Он предполагал, что сотрудничество с маститым монгольским ученым откроет новую веху в монголоведении. Хотя его расчеты не оправдались, несомненно, однако, что сложившиеся контакты стали началом будущего плодотворного сотрудничества между бурятскими и монгольскими учеными.

1. Письмо академика Ринчена

20 марта 1967 г. (машинопись, французский яз.) [VIII]

Улан-Батор, 20.03.1967.

Дорогой господин Ригби!

Господин д-р Локеш Чандра, директор Международной академии индийской культуры в Нью-Дели, в Индии, который опубликовал продолжение моего описания каталога красного монгольского Данджура из нашей Национальной библиотеки, написал мне недавно, что он очень интересуется публикациями вашего Института общественных наук и, в частности, вашими тибетологическими публикациями.

Д-р Локеш Чандра опубликовал уже много редких тибетских текстов, и с моей точки зрения установление постоянных отношений и обмен книгами между вашим Институтом общественных наук и Международной академией индийской культуры были бы взаимовыгодными для обоих научных институтов.

В серии Satapitaka этой Академии я уже опубликовал Каталог бурятских ксилографов буддийских монастырей Забайкалья, подготовленный в декабре 1911 года канцелярией Пандито Хамбо Ламы, Главы буддийской церкви Восточной Сибири. Я составил также список всех бурятских монастырей, указав дату основания, защитников и т. д.

Есть ли у Вас эта книга? Этот уникальный документ очень интересен и необходим для историков, изучающих культуру вашего народа.

Я уже написал г-ну Локеш Чандра, попросив его отправить Вам Каталог публикаций его Академии.

Для Вашей книги, посвященной памяти синолога, профессора Васильева, я уже написал небольшую статью на русском языке о печати квадратного письма Пагсра.

Согласно традиции она принадлежала предшественнику монгольского императора Хубилая.

Ее хранили в монастыре Сакья. Сейчас эта печать в Пекине.

Эта статья в этом письме. Копию печати я вам отправлю в конце месяца.

Дорогому моему коллеге с наилучшими пожеланиями

Академик [печать Бямбын Ринчен] Ринчен

Приложение: статья на русском языке: Монгольская sfragistika, 2 стр.

Академик, профессор Ринчен,

Почтовый ящик 119, Улан-Батор.

2. Письмо академика Ринчена

22 марта 1967 г. (машинопись, русский яз.)

Уважаемый коллега Ригби!

Я думаю, что Вы получили мое письмо со вложением текста моей статьи о печати Пагба ламы. Случилось так, что моя машинка с русским шрифтом была занята вложенным и недопечатанным листом и поэтому, чтобы не вытаскивать лист, я решил использовать одну из моих машинок с латинским шрифтом и написал Вам по-французски, в надежде, что Вы им владеете.

У меня ежедневно две из трех моих портативных машинок бывают заняты, потому что, когда мне немножечко надоедает и начинаю уставать пиша на одном языке, я перехожу к другой или третьей машинке и продолжаю ранее начатые работы. Так иногда бывает легче и затем, как по конвейеру, я могу друг за другом заканчивать несколько работ.

Мне только что принесли на кальку надпись текста печати Пагба ламы и я сейчас посылаю ее Вам.

Да, имеете ли Вы переводы былины Иренсей үбгэн, сделанные самим Жамцарано? Я могу послать их Вам, так как я их издал еще в 1959 году.

Знаете ли Вы, что правительство автономной Монголии почтило заслуги Цыбен Жамцарано присвоением ему графского достоинства и ордена Эрдениин очир? У меня есть черновик курикулум витае Жамцарано, сделанное его рукой в десятых годах нашего века. Я могу послать его Вам, если хотите.

Ваш искренне

Приложение: печати Пагба ламы в натуральную величину (приписка рукой)

Почт. ящ. 119.

3. Письмо академика Ринчена

15 апреля 1967 г. (машинопись, монгольский яз.) [IX]

Улан-Батор, 1967, 15 апреля.

Добрый день, ученый друг Ригби!

Я отправил Вам одну небольшую статью о печати на квадратном письме Пагбы, написанную на русском языке и отправленную в сборник, посвященный памяти китаиста Васильева, затем сделал копию с печати и попросил одного художника внести исправления.

Надеюсь, что дошло, и прошу дать знать парой строчек о получении.

Если его нет в Вашей библиотеке и Вам необходимо, то я отправлю в библиотеку Вашего Института общественных наук один экземпляр, поскольку я недавно получил два экземпляра сборника статей, изданного Калмыцким обществом развития культуры на английском и русском языках Kalmyk Monograph Series, Number two, Kalmyk-oirat symposium. Edited by Arash Bormanshinov, John Krueger, Philadelphia, 1966, Pennsylvania, на 228 стр. Если необходимо, Вы дайте мне знать. Если у Вас она имеется, то я отправлю в научную библиотеку Иркутского университета.

Сейчас я делаю правки в «Путевые заметки Фа Сяня» Д. Банзарова, опираясь на английский перевод, и еще не завершил. Исследователь Цыбик Цыдендамбаев в письме просил меня срочно прислать ему часть [перевода], однако я не успел исправить ошибки, попросил

заняться этим одного человека, он не смог обнаружить ошибки, и для того чтобы завершить работу по исправлению ошибок в переписанной версии, просматриваю и переписываю сам, опираясь на английский перевод, уделяя этому время по утрам и вечерам. Я об этом напишу Цыбику. Но если срочно надо будет, то для читательской аудитории я в качестве примера представлю материал нескольких начальных глав в сравнении с оригиналом перевода Дорджи [Банзарова], а также дам краткую историю, каким образом попал перевод с родины Дорджи Банзарова в нашу государственную библиотеку, и напишу на русском языке в виде статьи со вступительной частью.

В дополнение о своей рукописной работе: отправил авиапочтой за неделю собранные материалы продолжения титульной части Данджура для публикации в Индии, написал начальную главу романа «Сандоо амбан», написал одну статью на французском языке про нынешних потомков онгона, ставшего объектом почитания всех дархатов, по имени отец Жаатаг-ав рода Зуун Цагаан Хун отука Дархад гурван, продолжаю работу, которую обещал голландскому журналу по исследованиям Центральной Азии, а также пишу на французском статью про тройную золотую печать Джебзундамбы для Фолиа Ориенталия, Краков, Польша, помимо обработки и структурирования того материала, что я планировал написать монографию на монгольском языке по теме «хамниганский диалект», подготавливаю рисунки к первому тому этнографического и лингвистического Атласа Монгольской народной республики, помимо этого накладывается работа по проверке корректуры четвертой тетради по синтаксису монгольского письменного языка, и потому каждый день распределяю время и всю работу по порядку – что надо просмотреть – смотрю, что надо написать – пишу, наряду с этим совмещаю работу с переводами с чешского, русского и немецкого языков, и так живу потихоньку.

С уважением [печать *Бямбын Ринчен*]

Почт. ящ. 119.

4. Письмо Р. Е. Пубаева

27 апреля 1967 г. (машинопись, русский яз.)

Глубокоуважаемый академик Ринчен!

Сразу же после возвращения из Ленинграда, где принимал участие в работе Всесоюзного совещания по вопросам исследования культуры народов Востока, я получил Ваше письмо на французском языке со статьей «Монгольская сфрагистика», затем отгиски Вашей статьи «Ойратские переводы с китайского» (распространил их по адресатам), копию печати Пагбаламы и, наконец, Ваше последнее письмо. За все это я очень благодарен Вам, но прошу тысячу извинений за запоздалый ответ.

То обстоятельство, что директор Международной академии индийской культуры доктор Локеш Чандра проявляет интерес к нашим тибетологическим изданиям, несомненно, заслуживает нашего внимания. По линии Центрального духовного управления буддистов СССР доктор Л. Чандра получил приглашение посетить Бурятию в начале июня. Мы, конечно, воспользуемся его пребыванием у нас для установления научных контактов и обмена литературой. Мы в известной степени знакомы с деятельностью Международной академии индийской культуры, но, к сожалению, не все ее издания, особенно интересующие нас, имеются в нашей библиотеке. В частности, я не видел опубликованного Вами каталога бурятских ксилографов буддийских монастырей Забайкалья. Также интересен для нас список бурятских монастырей с указанием даты их основания и богов-покровителей, хотя такого рода сведения имеются в наших архивах. Но другое дело, когда все это издается в Индии и будет иметь международную значимость. Я уже начал просматривать Ваш каталог монгольского красного Данчжура с целью использовать его для написания главы «Буддийская каноническая литература Ганчжур и Данчжур» нашего коллективного труда «Очерки современного буддизма». С нетерпением будем ждать выхода продолжения каталога монгольского Данчжура в Вашей публикации.

Для нас представляют большой интерес и ценность следующие материалы, которые имеются у Вас:

- 1) Каталог бурятских ксилографов буддийских монастырей Забайкалья.
- 2) Список бурятских монастырей.
- 3) Калмыцкая монографическая серия, № 2, Филадельфия, 1966.

4) Переводы былины Иринсей уьгэн Ц. Жамцарано.

5) Черновик куррикурум витае Жамцарано.

Если бы Вы смогли прислать все эти материалы нам, мы будем весьма признательны Вам и постараемся не быть в долгу.

Сегодня состоялось совещание редколлегии нашего сборника «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», посвященного академику В. П. Васильеву. В отношении Вас высказали два пожелания:

Во-первых, желательно получить от Вас оттиск или фотографию печати Пагба-ламы.

Во-вторых, чтобы Вы смогли до 10–15 мая послать нам перевод Доржи Банзарова «Путешествия Фа Сяня» для включения в сборник в честь акад. В. П. Васильева.

Во всех этих вещах мы сильно заинтересованы потому, что Ваши работы в нашем издании открывают по существу новую страницу в отношениях между монгольскими и бурятскими учеными, что в известной степени имеет международное значение в области востоковедения.

Мы давно ставим вопрос об организации II международного конгресса монголистов, таковое предложение мы внесли совсем недавно в Президиум АН СССР, на заседании которого обсуждается вопрос о развитии советского монголоведения и расширения научных связей с АН МНР. При подготовке наших предложений мы с удовлетворением воспользовались Вашим письмом в Президиум нашего филиала. Пройдет ли наше предложение?

В сборник Васильева готовлю я статью о биографии Цзонхавы, написанной чахар-гэбши Лобсан-Цультимом. При этом обнаружил, что у нас нет никаких материалов о жизни и деятельности этого выдающегося монгольского ученого, за исключением его сумбума. Как быть? Я помню рассказ Дамдинсуруна о том, что он будто бы где-то во Внутренней Монголии нашел биографию Лобсан-Цультима. Сейчас просто затрудняюсь, что делать.

С горячим приветом и наилучшими пожеланиями

Р. Пубаев.

г. Улан-Удэ, 27 апреля 1967 года.

5. Письмо академика Ринчена

3 мая 1967 г. (машинопись, русский яз.)

Уважаемый коллега Ригби,

сегодня получил письмо из Вашингтона, из которого узнал, что копия Банзаровского перевода имела в 1928 году в Аларском аймаке и была даже списана одним монголоведом, который собирался ее издать, но потерял свой список. Если Вы через печать и радио объявите, то может оказаться, что аларский список еще сохранился. Тогда монголисты будут иметь наш список, список аларский и, может быть, третий, который сохранился на родине Доржи Банзарова. Наш список восходит к копии, снятой ученым ламой Галсан Гомбоевым. Я послал недавно девять страниц, скопированных мной и содержавших первые четыре главы Банзаровского перевода. Наш список сделан был с другого, уже украденного десятком лет тому назад списка, привезенного с родины Банзарова, который Цыбенгуай хранил как зеницу ока. Издать он не успел, но потом это поганое сталинское наваждение, которое теперь расцвело в Пекине махровым маоизмом, не дало возможности опубликовать для науки замечательный труд Банзарова, показавшего в своем переводе и прекрасное знание французского и не менее прекрасное знание монгольского литературного языка, рядом с которым, Вы уж меня простите, многие современные бурятские переводы с русского кажутся невнятным бормотанием несчастного, которому какой-нибудь ежовский садист отрезал пол-языка. Когда я читаю «крымскэ», «историческэ» и прочие -скэ, мне делается немножечко не по себе: темный, невежественный инородец, который нутром понимал, что конь значит на его родном языке *морин*, а конская голова – *мориной толгой*, не имел элементарных географических познаний. Крым как топоним был ему дальше Иркутска, Балаганска или Верхнеудинска, не выезжавшему и неграмотному неизвестен и *крымский*, *крымская* и прочие прилагательные на *-ский* в его языковом мышлении, еще неразвитом, не осмыслились: *конский* он еще понимал как *мориной*, но другие неизвестные слова с этим окончанием уже казались ему неразложимыми и, слыша *крымский*, *исторический*, он не понимал своим темным умом бедного улусника, что есть Крым и от него *крымский*, есть история и от этого существительного прилагательное

исторический и т. д. В его языковом мышлении не было категории рода имен существительных и прилагательных, не было на его родном языке минимума книг, по которым он мог бы приобрести элементарные познания и, изучив в какой-то мере русский, он еще не дошел до понимания того, что в его родном языке эти грамматические категории могут быть прекрасно переданы его средствами. Привыкнув мыслить как все примитивы только конкретно, он еще не поднялся до логического и абстрактного мышления и не сообразил, что если есть *морин* [конь] и от него *мориной* [конский], то есть и Крым, от которого можно и нужно произвести *крымэй*, и если есть имена *зообориН* [беспокойства], *удөөриН* [ремешка], то по этому же типу можно и *истори* – *историн*, как в русском *история* и *исторический* и т. д. и т. п. А аракчевщина в языкознании навеки, по-видимому, закрепила в «литературном» языке эти *-скэ*, *-нэ* (*зенитнэ* вместо *зенидэй*). В языке Банзарова все строго логично и нет таких примитивных явлений, которые сто с лишним лет спустя «закреплены» в официальном «бурятском» языке, который забинтован, как ноги китаянок в детстве. У нас в сороковых годах в учебниках по географии, переведенных малограмотными переводчиками, не имевшими даже начального образования и заменившими истребленных репрессиями интеллектуалов, озера *Ладога* и *Онега* писались как *Ладож нур*, *Онеж нур*, свидетельствуя о том, что малограмотные монгольские переводчики тех печальных времен все же при всем своем непроходимом невежестве и ужасающей неграмотности все же пытались мыслить логически и при недостаточном знании русского языка ДУМАЛИ все же, что в словах типа Ладожское озеро, Онежское озеро -ское все-таки отделяется, а значит, названия этих озер будут *Ладож* и *Онеж*. Им не хватало только знания русской фонетики и морфологии: они не знали, что г переходит в ж и что названия этих озер в русском языке женского рода. Но через несколько лет все это выправилось. Вы не обижайтесь, коллега, но мне, языковеду, эти *-скэ* и *-нэ*, *-но*: *сезонно*, *научна* и т. п. протят своим первобытным дремучим недомыслом.

Копия с Банзаровского перевода имеет много погрешностей по вине переписчиков, особенно в части транскрипции географических имен. У меня под рукой есть только английский перевод путешествия Фа Сяня, который я купил в Нью-Дели, имея в виду сличить его с переводом Банзарова, что я сейчас и делаю между делом. Поэтому в первой половине мая я не смогу никак закончить выправку погрешностей переписчиков, которые никак нельзя приписать ученому переводчику. Поэтому я послал Цыбику Бобоевичу то, что я сам за это время переписал, сличая с английским текстом каждое слово Банзаровского перевода. Может быть, в сборнике дадите образца языка перевода то, что я послал?

Оттиск печати Пагба ламы у меня сделан красной краской для печати и я Вам послал с него точную копию, специально перерисованную через прозрачную бумагу. Я в свое время таким же образом издавал печати нашего Наран гэрэлту Богда хана в Венгрии и недавно послал в Польшу такие же черные копии еще трех печатей ургинского хутухту Джебдзундамбы VIII. Я Вам для печати специально послал точную копию оттиска красной краской, так что для печати Вы имеете. Фотографии самой печати у меня нет, есть только оттиск, так как на выставке фотографировать было нельзя и оттиск удалось достать только из любезности персонала.

Посылаю куррикулум витеа Цевенгуая. Былины и калмыцкую монографическую серию высылаю заказной бандеролью. Каталог ксилографов и список бурятских монастырей мною опубликован в Индии в Интернациональной академии индийской культуры, и сейчас у меня нет лишнего экземпляра, но я напишу Локеш Чандре, который уже набирает второй том моего каталога Данджура.

С биографии *чахар гэбиш* я попробую здесь поспрашивать наших стариков библиофилов, и если найдется, я немедленно сообщу телеграфом. Может быть, в таком случае удастся быстро снять микрофильм.

Искренне Ваш [печать *Бямбын Ринчен*]

Почт. ящ. 119.

(приписка от руки)

Проф. Туччи, тибетолог, от которого Вы можете в порядке книгообмена получать книги по тибетоведению и печатать в его изданиях Ваши статьи на английском.

Four historical records – так называется книга, в которой опубликован каталог бурятских ксилографов. Черкните Локеш Чандре и он привезет или пошлет.

(на полях слева приписка на старомонгольском яз.) Не нашел человека, с кем отправить. Отправлю дополнительно.

6. Письмо д. и. н. Р. Е. Пубаева

24 мая 1967 г. (машинопись, русский яз.)

Глубокоуважаемый академик Ринчен,

передаю Вам мой горячий амар мэндэ с пожеланием наилучшего здоровья, творческого вдохновения в Вашей большой научной и литературной деятельности.

Получил я Ваши письмо и открытку, за что весьма признателен Вам. Наш сборник в честь академика В. П. Васильева должен был издаваться в Москве в издательстве «Наука», но, оказывается, по условиям этого издания рукопись должна была быть предоставлена к 1 апреля с. г., что, конечно, мы не могли сделать как по незнанию этого положения, так и потому, что не успели бы комплектовать и редактировать его. Ввиду этого наш сборник будет публиковаться в будущем году, так что у нас есть немного времени. Поэтому мы просили бы Вас, если сможете, предоставить полный перевод Доржи Банзарова в июне месяце со вводной краткой статьей и минимумом текстологических примечаний, главным образом в отношении имен и географических названий. Ваше высокое мнение о переводе Банзарова, 11 глав и начало 12 (на 19 стр.), которые передал мне Цыбик Бобоевич, все более усиливает наше желание издать его. С другой стороны, Ваше весьма критическое отношение к современным бурятским переводам может быть применено к определенному периоду, но оно вряд ли справедливо в отношении сегодняшнего дня. Тем не менее современный бурятский перевод не лишен недостатков и желает быть намного лучше.

Особых новостей в нашем институте нет. На днях приехала стажерка из Англии некая миссис Каролина Уиддингтон, этнограф. Занимается изучением пережитков родового строя у сибирских народов, в данном случае – бурят.

Искренне Ваш Ригби Пубаев.
24 мая 1967 года.

7. Письмо академика Ринчена

6 июня 1967 г. (машинопись, русский яз.)

Уважаемый коллега Ригби,

подтверждаю получение Вашего любезного письма от 24 мая сего года. Я уже послал уважаемому Цыбик Бобоевичу продолжение перевода Банзарова до 44 страницы и сейчас Вам досылаю стр. 44–52, включающие текст до конца 24 главы. В рукописи всего 40 глав, так что Вы уже имеете более половины Банзаровского текста. Транскрипция имен сверена мной по тексту английского перевода: Chinese Accounts of India translated from the Chinese by Samuel Beal. New edition, 1957. Susil Gupta (India) Limited, Calcutta. Travels of Fa-Hian or Fo-kwi-ki. Buddhist Country Records by Fa-hian, the Sakyas of the Sung (Dynasty), – приобретенного мною в том же году в Индии, в Новом Дели специально для сверки собственных имен и географических названий нашей копии Банзаровского перевода, которая представляет копию со списка зайсана Цебекджаб Санпила из рода Булагат шести родов, сделанного с текста, принадлежавшего ученому ламе Галсан Гомбоеву восьмого марта 1844 года. Копию достал соавтор первого ученика по космографии и географии на монгольском языке, изданного еще до Народной революции в Урге и ученый друг Цыбена Жамцарано монах филолог Буяндалай. К сожалению, копия со списка Буяндалая сейчас исчезла, хотя я ее видел последний раз в конце сороковых годов. В нашей библиотеке сохранилась лишь копия со списка Буяндалая, сделанная несколькими лицами – не менее трех на, возможно, финской бумаге кистью и судя по почерку писцами Тушетухановского аймака с характерными для писцов того времени ошибками: *иригсен* вместо *ирегсен*, *кериг* вместо *керег* и т. п. Часть 29, вся 30 и начало 31 главы написаны металлическим пером черной китайской тушью типично ламским почерком – у наших лам существовал специальный почерк, в котором начертания букв следовали традициям монгольского письма тростниковым пером и частично были перемешаны с начертаниями, выработанными писцами кистью монгольских канцелярий.

Монгольские переписчики довольно точно следовали бурятской копии: *гатулачи* [переходящий] вместо *гатулаши*, *аршику* [вытирать] вместо *арчику* и т. п. формы, в которых бурят-

ский писец смешивал *ш* и *ч* и писал *ч* на месте *ш* и т. д. Я думаю, что банзаровский текст в этих случаях был безукоризнен и эти бурятизмы – смешение *ч* и *ш* мною выправлены.

Прекрасно владел Банзаров классическим монгольским письменным языком буддийской литературы – *номын келен* – *чойгад* [тиб. яз.] и владел его терминологией, которая совершенно неизвестна сегодняшнему монгольскому рядовому переводчику с европейских языков, включая и французский. Это говорит о блестящей постановке обучения восточным и европейским языкам в казанском университете. Вполне возможно, что ученый лама Галсан Гомбоев, который списал для себя Банзаровский текст, помогал юному Банзарову в нахождении монгольских эквивалентов терминов и названий, упомянутых во французском тексте.

При внимательном чтении текста чувствуется, что Банзаров менее был знаком с терминами монголо-китайской переводной литературы: китайский *ли* [X] он всегда передавал через *ли*, тогда как *ли* в монгольском всегда передается как *гадзар* и никогда как *ли*. Китайская мера длины *чжан* [XI] им передается как *чан* – в этом я вижу его чтение СН по французскому тексту как *ч* вместо *чж*. По-монгольски в разговорном *чжан* и в литературном *хос алд* [XII], но я оставил форму *чжан*, упомянутую и во французском, и в английском переводах, и в банзаровском, но только с произношением *чан*, которое я и выправил в *чжан*.

Как и наши сегодняшние переводчики, Банзаров забывал, что в монгольском европейскому «это, эта, эти, этот» будет – если близко от говорящего или пишущего – *энэ*, если далеко, то *тэрэ*. У Банзарова только *энэ*, которое по-монгольски выглядит странно: предмет очень далеко от Фа Сяна, а говорится так, словно Фа Сян находится рядом с ним. Также у Банзарова пришли только *иремуй*, но и по-монгольски *ирэ* употребляется о приходе к месту, то *ирэ* совсем не подходит и вместо этого надо употребить *хурнэ*: я не могу по-монгольски сказать *хоёр хоноод би Улаан-Удэ ирнэ*, поскольку я не в Улан-Удэ. Я могу сказать только: *хоёр хоноод би Улаан-Удэ хурнэ* [через два дня я буду в Улан-Удэ]. Такие моменты, вызванные особенностями монгольского и французского языков, я исправил. Транскрипция китайских имен и названий у Банзарова была также иной, чем в давно, еще до него созданной транскрипции в монгольском, и во всех этих случаях я счел долгом сличить их с европейским текстом и передать так, как их принято было в литературно-монгольском тексте писать. Вот все, что я делаю при переписке для печати текста банзаровского перевода.

Банзаров транскрибировал, например *ху а и* вместо *хуай* и т. д. Это создавало бы представление о трех иероглифах *ху а и* вместо одного *хуай*, по-монгольски *хувай*, где в разделяет две гласные *у* и *а* согласно требованиям монгольской графики.

Перевод прекрасно передает стиль языка буддийской монгольской литературы, и выполненный в ином стиле он казался бы литературно образованному монголу странным. Банзаров в этом отношении оказался на уровне мастеров перевода на монгольский, принимая во внимание, что тогда он был еще очень молод.

Я скоро уезжаю в экспедицию и не смогу написать вводной статьи. Может быть, имея более половины Банзаровского текста, Вы на основе моих этих наблюдений над текстом напишите сами и дадите для образца то, что Вы теперь уже имеете, т. е. более половины списка в виде статьи со включением этой части списка? И упомяните о том, что список существовал и у иркутских бурят еще в 1928 году.

Что касается моих замечаний по современному бурятскому языку, они основаны на нашем газетном языке этого года и бурятских грамматиках с этими *-скэ*: *коммунистическэ*, *советскэ*, *министерскэ* и т. д. вместо более нормальных *коммунист*, *совет* и т. д. по образцу *монгол хэлэн*, *буриад дуун*, а не *монгольскэ хэлэн*, *буриадскэ дуун* и т. д. Возможно, что Вы привыкли к этим паразитическим *-скэ*, но для моих глаз и ушей это как-то непривычно и непонятно и чувствуется, что это совершенно ненужный варваризм.

Ваш Ринчен [печать Бямбын Ринчен].

8. Письмо академика Ринчена

4 февраля 1968 г. (машинопись, русский яз.)

Уважаемый товарищ Ригби!

В моих бумагах я наконец-то разыскал куррикулум витеа Цебен Жамсарановича, который давно обещал Вам послать и посылаю Вам его теперь. Я думаю, что каждый документ

этого большого ученого будет с течением времени обретать все большую ценность для будущих просвещенных поколений, и посылаю его Вам.

Я послал Вашему институту мою книгу об ургинском Эрлик цаме с прекрасными цветными фотографиями чешского коллеги, прекрасно воспроизведенными немецкими печатниками. Я послал заказным. В Германии книга моментально разошлась и наши, ездившие в Берлин на днях, тщетно пытались найти в продаже книгу. Если Вы не получили, сообщите, я подам на почте на рекламу.

Мы решили, что второй конгресс монголистов, вероятно, не удастся созвать в Улан-Удэ, и решили в 1970 году провести его у нас в Улан-Баторе.

А на втором конгрессе предложим решить место и время третьего.

Я думаю, что Вы теперь уже получили и конец переписанного мною текста перевода Дорджи Банзарова. Транскрипцию имен китайских я выправил по английскому переводу, так как не имел под рукой французский перевод, с которого в свое время переводил Банзаров.

Из научных открытий могу сообщить, что мне удалось после долгих розысков достать историю Четырех Ойратов, которую в 1928 году я видел в личной библиотеке дурбетского тегюс Кюлюк Далай-хана в Уланкоме, и в этой уникальной рукописи письмом тодо Дзая пандиты я нашел, что ойратский алфавит был составлен не в 1648 году, как это принято считать всеми монголистами, а на двенадцать лет раньше – в 1636 году! Мы думали в этом году отметить трехсотдвадцатилетие со дня изобретения ойратского алфавита, но в связи с этим открытием, подтвержденным еще колофонами найденных нами ранее ойратских переводов, указывающими совершенно ясно и определенно о том, что они были переведены ранее 1648 года, а именно в 1642-(3) году, должны считать, что со времени изобретения тодо усук прошло триста тридцать два года! Собираюсь дать об этом статью в японском сборнике в честь шестидесятилетия моего коллеги Озавы и издать в моем Корпус Скрипторум Монголорум эту новоткрытую ойратскую хронику.

Ваш [печать *Бямбын Ринчен*]

Почт. ящ. 119

Приложение: Куррикулум витае Цебен абугая – 1 лист.

9. Письмо Р. Е. Пубаева

8 февраля 1968 г. (машинопись, русский яз.)

Глубокоуважаемый академик Ринчен!

Сравнительно давно мы получили от вас все остальные главы Банзаровского перевода записок Фа Сяня, за что приносим Вам нашу глубокую благодарность. Нами принято решение опубликовать этот Банзаровский перевод, подготовленный Вами к печати, в Васильевском сборнике полностью, с Вашим предисловием и примечаниями. Согласно Вашей просьбе, я обратил Ваше письмо по поводу Банзаровского перевода в предисловие и сдаю вместе с текстом в редакционно-издательский отдел. С Вашего монгольского текста я выписал, главным образом, географические названия, которые требуют разъяснения в примечаниях. Посылаю Вам предисловие с просьбой просмотреть, исправить или добавить и дать свое согласие на публикацию его. Также посылаю выписки географических названий с тем, чтобы Вы в возможно короткий срок весьма кратко смогли прокомментировать и послать нам обратно. Притом в редколлегии существует мнение, что Ваши исправления Банзаровского текста не оправданы и противоречат принципам текстологии, что такого рода исправления должны быть даны только в примечаниях. Поэтому прошу Вас, глубокоуважаемый академик Ринчен, подумать на этот счет и написать мне. Кроме того, у нас оказался, вернее, появился свой список Банзаровского перевода, найденный одним нашим сотрудником в Монголии. По-видимому, в связи с публикацией Вашего Банзаровского перевода мы должны сказать что-то и о нашем списке. Ваш текст написан почти скорописью, поэтому при переписке для ротاپринта возможно, что найдутся трудно читаемые слова и мы вынуждены будем обращаться в Вам с соответствующими справками. Было бы очень хорошо, если бы Вы в этом году могли побывать у нас и сразу на месте решить все «мелочи» издания Банзаровского перевода.

У нас особых новостей нет. Все по-старому. Скоро начинают печатать наш «Источник мудрецов», вып. I, Парамита и Мадхьямика, готовим вып. III, Абидарма. Включили в план издания 1969 года первый бурятский словарь, тибетско-монгольский словарь Г. Ж. Тугулдунова (словарь Ринчен Номтоева является вторым), который готовлю к изданию я. Наш бывший отдел Зарубежного Востока разделился на три сектора: 1. Сектор истории и культуры народов Востока (зав. Ваш покорный слуга). 2. Сектор буддологии (зав. К. М. Герасимова). 3. Музей восточных культур с рукописным фондом (зав. П. Б. Балданжапов). Таковы новости наших будней.

С наилучшими пожеланиями по случаю Цаган-сара Ваш Р. Пубаев
8 февраля 1968 года.

10. Письмо академика Ринчена

11 декабря 1969 года (машинопись, русский яз.)

Ригбигуай!

Я надеюсь, что Вы уже получили английский перевод Путешествия Фа Сяня, который я Вам послал заказным отправлением уже порядочно времени. Прошу подтвердить получение. Я послал книгу на Ваш домашний адрес.

С фотографией монгольского и тибетского текста Путешествия у меня вышла задержка, потому что в библиотеке запрятали рукопись Банзаровского текста и ее нашли только пару дней назад и сейчас снимают в нашей фотолаборатории. Что касается тибетского текста, то сегодня мне принесли фоторепродукцию нескольких печатных листов, которую я и посылаю в этом пакете Вам.

Прошу извинить за запоздание, которое не зависело от меня и подтвердить получение этой фотоконии тибетского текста перевода, сделанного ученым ламой Дзава Дамдином с монгольского перевода Банзарова.

Перевод Дзава Дамдина имел широкое хождение в Ургинском Дзун күрене и Гандане, а также в монастырях южной Гоби, причем представитель Далай-ламы – Далай ламын донир в Ургу отправлял перевод Дзава Дамдина на тибетский и в Лхассу и по свидетельству монгольских лам, живших в Лхассе в монгольском мицане Дзава Дамдиновский, перевод пользовался большим успехом у монгольских и тибетских ученых монахов в Лхассе.

По случаю приближения европейского Нового года желаю Вам успехов в Вашей научной работе.

С приветом

[печать *Бямбын Ринчен*]

Приложение: пять листов фоторепродукций тибетского перевода с монгольского текста Дорджи Банзарова.

Почт. ящ. 119.

11. Письмо академика Ринчена

12 декабря (год отсутствует) (машинопись, монгольский язык [XIII], латиница)

г. Улан-Батор, 12 декабря

Приветствую своего младшего ученого, уважаемого Регби! Только что я сделал снимки двух страниц «Дневника Фа Сяня» и поспешил Вам их отправить. Дамдин-габджу лично переписывал по 2–3 страницы. Отправил Вам одну страницу, переписанную им шариковой ручкой. Вторая страница переписана кистью, в последней части есть несколько строк, переписанных Дамдин-габджу шариковой ручкой.

Наши библиотекари, посчитав эту тетрадь очень важной, спрятали ее. Когда я на выходных отправился ее почитать, поиски ее несколько затянулись. Вот, наконец, она найдена, и я срочно сделал снимки. В связи с этим обстоятельством приношу свои извинения Вашему издательству за задержку.

Сообщите, пожалуйста, одной страничкой о получении этих фотографий. Надеюсь, Вы получили в целости отправленные ранее несколько страниц, переведенных Дамдин-габджу на тибетский язык.

Кроме того, уважаемый Ригби, у меня нет совершенно никаких сведений о том, получили ли Вы тетрадь с переводом «Дневника Фа Сяна» на английский язык, высланную на Ваш домашний адрес. Дайте знать, если она получена. Если нет, то я пойду искать ее на главпочтамте.

[печать Бямбын Ринчен]

Почтовый ящик 119. Приложение: 2 фотографии.

Когда старый год заканчивается
И новый год наступает,
Работа ваша пусть будет успешной,
Жизнь пусть будет счастливой,
Благопожелание на веки вечные
Издалека посылаю!

12. Письмо академика Ринчена

7 июля 1971 года (рукопись, русский яз.)

Уланбатор, падь Их Тэнгэрийн ам, 7.7. 1971

Ригбигуай!

Я не дома, на летней даче в пади Великого божества Царственной горы – Хан уулаа Их Тэнгэрийн аманд и, как всегда, сижу над обработкой материалов.

За время моего отсутствия навалилась масса корреспонденции и книг. Из Индии – Мадраса получил роскошно изданный фолиант «Indian Contribution to World Thought and Culture», изданный Vivekananda Rock Memorial Committee. В нем помещена и моя статья: Influence of Indian Philosophy on Mongolian Shamanism, в которой я объяснял с точки зрения шаманских концепций тот эпизод из битвы на Калке 31 мая 1223 года. В ряде последующих статей и книг о философских концепциях монгольского шаманизма я буду дальше развивать мои положения по истории монгольской культуры.

В вышеназванной книге СССР представлен В. А. Litvinsky из института истории в Душанбе, Таджикистан, статьей India and Soviet Central Asia.

Локеш Чандра дал статью Indian culture in Transbaikalian Siberia, где он рассказывает о бурятских монастырях, об эпосе Рамаяна, индийской медицине Аюрведа в Сибири и т. д.

Я еще не был в академии, завтра что ли буду на академическом собрании и поделюсь с нашим президентом академии Ширендыбом моими впечатлениями о Вашем наброске.

С приветом Ринчен.

13. Письмо академика Ринчена

12 марта 1972 года (машинопись, монгольский яз. [XIV], латиница)

Приветствую уважаемого ученого Ригби и поздравляю с новым годом черной мыши по лунному календарю! Благодарю Вас за отправленный том «Очерки истории культуры Монгольской Народной Республики!» В связи с большим объемом работы я лишь пробежался по этой книге, не было возможности тщательно с ней ознакомиться. Поэтому я не могу в целом оценить ее, хотя думаю, что этот ваш том внес определенный вклад, учитывая, что исследования монгольской культуры очень слабы и немногочисленны.

Я считаю, что монгольские ученые не смогли оказать большую помощь в переводе на монгольский язык. Например, *нийгмийн шинжлэх ухааны хүрээлэн* [институт общественных наук], очевидно, “подсказано” нашими историками! Слово *ухаан* [ум; сознание] в монгольском языке, как и во всех языках, имеет много значений. В *хар ухаан* [простой ум], *хуриц ухаан* [остроумие], *бэрх ухаан* [компетентность], *тэнэг ухаан* [глупость], *нарийн ухаан* [тонкий ум], *анагаах ухаан* [медицина], *шинжлэх ухаан* [наука]. Для уточнения *ухаан* [ум; сознание] используются определения *анагаах* [исцелять, лечить], *бэрх* [искусный, сведущий], *хар* [простой], с помощью которых выявляются различия в значениях. Из множества слов с компонентом *ухаан* слово *шинжлэх ухаан* соответствует русскому *наука*. Однако в связи с большим разнообразием наук говорят *туухийн ухаан* [история], *анагаах ухаан* [медицина], *нийгмийн*

ухаан [обществознание] вместо *түүхийн шинжлэх ухаан, анагаах шинжлэх ухаан, нийгмийн шинжлэх ухаан*. Наши историки, видимо, не учитывают эту разницу. Вы, следуя за ними, перевели на монгольский язык [институт общественных наук] как *нийгмийн шинжлэх ухаан*. В словосочетании *хүүхдийн уйлах дуу* [звук детского плача] на вопрос *ямар дуу вэ?* [какой звук?] отвечаем *уйлах дуу* [звук плача]. На вопрос *Хэний уйлах дуу вэ?* [звук чьего плача?] отвечаем *хүүхдийн уйлах дуу* [звук детского плача] (структура слова *юуны яах юу вэ?* ‘чего что делать что?’). Если следовать этой структуре, разве не получается ‘наука, изучаемая обществом’? В словосочетании *Бүгдийн уух цай* [чай, который пьют все] можно заменить первое слово: *Бүгдээрээ уух цай* [всеми пьющийся чай]. В таком случае получается не ‘наука об обществе’, а ‘наука, изучаемая обществом’! Подумайте, ведь здесь появляется значение *бүгдээрээ шинжилдэг ухаан* [всеми изучаемая наука], поскольку слово *шинжлэх* [изучать] становится излишним. Монгольский термин *тойм* обозначает ‘обзор’. Прошло уже более 20 лет с тех пор, как было установлено, что слово ‘очерки’ передается словом *найруулал*.

20 марта я собираюсь ехать на конференцию по санскриту, которая состоится в Дели, поэтому у меня мало времени. По возвращении я напишу Вам свои впечатления об этой книге. Хочу написать рецензию в журнал, издаваемый в Париже, а также в советский журнал.

С уважением, старик Ринчен.

[печать *Бямбын Ринчен*]

Почт. ящ. 119.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект ХП.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

Комментарии

I. Фото любезно предоставлено Саруул-Эрдэнэ Мягмар, за что выражаем ему большую признательность.

II. Мы не смогли найти ссылку на оригинал издания 1836 г. Клапрота и Ландрессе. Он был переиздан в 1848 г. См.: Fa-hsien 1848.

III. Помимо данной работы он также составил грамматику монгольской письменности, учебник «Всеобщая география», перевел «Путешествия Тулишеня» [Аюшеева, Ванчикова 2002: 100]. Очевидно, эти работы предназначались для бурятской аудитории.

IV. Более подр. о списках работы см.: [Там же].

V. См. биографию Р. Е. Пубаева в этом же номере.

VI. Ринчен был приговорен к расстрелу в 1939 году, позже его дело было пересмотрено и принято решение приговорить его к 10 годам тюремного заключения, в конце концов он был освобожден из тюрьмы через 5 лет [Чимитдоржиев 2005: 18].

VII. Ринчен читал на тибетском, китайском, маньчжурском языках, хорошо знал английский, немецкий, чешский, французский. После 60 лет начал изучать латынь и греческий. Он осуществил перевод 240 произведений различного жанра около 70 писателей из 20 стран мира, среди которых «Тарас Бульба», «Вий» Николая Гоголя, стихи Александра Пушкина, рассказы Николая Лескова, Михаила Шолохова, сочинения Калидасы, Ги де Мопассана, Назыма Хикмета и многие др. [Там же: 34].

VIII. Перевод с французского яз. Н. Д. Бадмаевой.

IX. Перевод с монгольского яз. Г. Н. Чимитдоржиевой.

X. Кит. мера длины – 571,5 м.

XI. Кит. мера длины – около 3 м.

XII. Монг. большая десятифунтовая сажень.

XIII. Перевод с монгольского яз. Е. В. Сундуевой.

XIV. Перевод с монгольского яз. Е. В. Сундуевой.

Литература

Аюшеева М. В. Монгольский перевод Доржи Банзарова «Путевых заметок Фа Сяня» / М. В. Аюшеева, Ц. П. Ванчикова // Мир Центральной Азии. Т. III: Культурология, философия, источниковедение. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 100–106.

Чимитдоржиев Ш. Б. Академик Бимбын Ринчен – выдающийся ученый и писатель (1905–1977) / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 96 с.

Fa-hsien. The Pilgrimage of Fa Hian, from the French Edition of the Foe Koue Ki of MM. Remusat, and Landresse, with Additional Notes and Illustrations, 1848.

Record of the Buddhist kingdoms. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles, Of H. M.s Consular Service. London: TRÜBNER & CO, Shanghai: KELLY & WALSH, 1877.

Travels of Fa-Hian or Fo-kwi-ki. Buddhist Country Records by Fa-hian, the Sakya of the Sung (Dynasty) // Chinese Accounts of India translated from the Chinese by Samuel Beal. – Susil Gupta (India) Limited, Calcutta. New edition, 1957.

References

Ayusheeva M. V. Mongol'skij perevod Dorzhi Banzarova «Putevyh zametok Fa Syanya» / M. V. Ayusheeva, C. P. Vanchikova // Mir Central'noj Azii. T. III. Kul'turologiya, filosofiya, istochnikovedenie. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2002. – S. 100–106.

Chimitdorzhiev Sh. B. Akademik Bimbyn Rinchen – vydayushchijsya uchenyj i pisatel' (1905–1977) / Sh. B. Chimitdorzhiev. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2005. – 96 s.

Fa-hsien. The Pilgrimage of Fa Hian, from the French Edition of the Foe Koue Ki of MM. Remusat, and Landresse, with Additional Notes and Illustrations, 1848.

Record of the Buddhist kingdoms. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles, Of H. M.s Consular Service. London: TRÜBNER & CO, Shanghai: KELLY & WALSH, 1877.

Travels of Fa-Hian or Fo-kwi-ki. Buddhist Country Records by Fa-hian, the Sakya of the Sung (Dynasty) // Chinese Accounts of India translated from the Chinese by Samuel Beal. Susil Gupta (India) Limited, Calcutta. New edition, 1957.